

К вопросу о языке несанскритских фрагментов памятника Maḥānayaṛakāśa.

Ранний кашмири или поздний апабхранша?

Кашмири — единственный дардский язык, имеющий письменность и литературу. Однако ввиду того, что письменная традиция на этом языке достаточно молода, применение филологического метода при его диахроническом изучении едва ли может дать ощутимые результаты. Со стороны исследователей неоднократно предпринимались попытки обнаружить аутентичные старокашмирские тексты. Вопрос о наличии таких текстов все еще остается открытым, однако разыскания в данной области привели к появлению некоторых интересных проблем. Одна из таких проблем — проблема атрибуции языка несанскритских фрагментов шиваитского философского трактата Maḥānayaṛakāśa — рассматривается в данной статье. Автор приходит к выводу, что этот язык, несомненно, будучи индоарийским, никоим образом не может являться ранней формой современного кашмири. Более того, он представляет собой разновидность позднесреднеиндийского литературного языка (апабхранша), т. е. является искусственным образованием и, таким образом, не может быть предком ни для одного живого языка.

Ключевые слова: кашмири, дардские языки, индоарийские языки, санскрит, апабхранша, искусственный язык.

Язык кашмири, как известно, является единственным языком дардской группы, обладающим письменной традицией. Значение этого факта, однако, не следует переоценивать. История кашмири достаточно надежно прослеживается по письменным памятникам лишь на протяжении максимум трех последних веков. Не исключено и существование более ранних текстов (XVI и, возможно, даже XIV в.), главным образом поэтических, однако эти последние в течение столетий бытовали исключительно в устной форме и были записаны гораздо позднее на языке, не сильно отличающемся от кашмири XX в. [Захарьин 1978, 88; Коган 2005, 208]. Учитывая, что дардская языковая общность распалась не менее 3 тыс. лет назад, а возможная восточноедардская (охватывающая кашмири, шина, пхалура и кохистанские языки) — по-видимому, более 2 тыс. лет назад¹, следует признать практически полную непригодность филологического метода для исторического и сравнительно-исторического изучения языка кашмири. Данная ситуация, однако, представлялась и представляется аномальной целому ряду исследователей-кашмирисов. По этой причине уже не одно десятилетие активно обсуждается вопрос о возможности наличия старых памятников кашмирской письменности. С сожалением сле-

¹ Данные цифры основываются на результатах глоттохронологических подсчетов, приведенных в работе [Коган 2005]. Предварительная датировка распада восточноедардской языковой общности — около 2,5 тыс. лет — вытекает из долей совпадений в стословном списке между кашмири и языками шина (60%) и пхалура (58%). В дальнейшем, как представляется, уточнить данную датировку, возможно, позволит привлечение для лексикостатистического анализа материала кохистанских языков.

дует констатировать, что в настоящее время эта проблема, выдвинувшись на передний план, отвлекла внимание многих ученых от собственно сравнительно-исторических проблем². Именно с этим обстоятельством следует связывать явный застой в диахроническом изучении языка кашмири в последние годы.

Хотя вопрос о наличии древних памятников кашмири до сих пор остается открытым, разыскания в этой области привели к появлению некоторых интересных проблем. Пожалуй, самая значительная из них — проблема атрибуции языка несанскритских фрагментов памятника *Mahānayaṅprakāśa*. *Mahānayaṅprakāśa* — религиозно-философский трактат, созданный в традиции кашмирского шиваизма. Языком основной части текста является санскрит, однако памятник включает также 94 стихотворные вставки, написанные на языке, отличном от санскрита. Каждая такая вставка снабжена обширным санскритским комментарием, который обычно оказывается весьма полезным для понимания несанскритских стихов и, в частности, для установления значения многих неясных слов, встречающихся в последних. Надежная датировка текста отсутствует, хотя на этот счет высказывались разные точки зрения. Наиболее обоснована из них гипотеза, предложенная Дж. Грирсоном [Grierson 1929, 74], согласно которой памятник следует датировать концом XV в. Основным аргументом Дж. Грирсона является наличие другого текста *Bālabodhinīnyāsa*, полностью санскритоязычного, имя автора которого (Шитикантха) совпадает с именем автора *Mahānayaṅprakāśa*. В тексте *Bālabodhinīnyāsa* имеется указание на приблизительную дату написания: сообщается, что памятник был написан в годы правления кашмирского султана Хусейн-шаха, взошедшего на трон в 1482 г. Разумеется, данная точка зрения является сугубо гипотетической и в принципе может быть пересмотрена в будущем, поскольку нельзя исключить наличие двух авторов-тезок, живших в разное время. Однако нельзя не признать, что на сегодняшний день гипотеза Дж. Грирсона является единственной, имеющей под собой какие-либо веские основания. Альтернативная точка зрения, предложенная индийским лингвистом С. К. Чаттерджи [Chatterji 1963, 258] и относящая рассматриваемый текст к XIII в., представляется нам безосновательной. Автор не приводит ни бесспорных контраргументов, исключающих грирсоновскую датировку, ни весомых доводов, подтверждающих его собственную (XIII в.). Между тем точка зрения С. К. Чаттерджи широко распространилась в современной литературе и, к сожалению, проникла даже в энциклопедические издания.

Главным предметом полемики послужила, однако, генетическая принадлежность языка несанскритских фрагментов. Дж. Грирсон, первым начавший глубокое изучение этого языка и посвятивший ему специальную работу [Grierson 1929], полагал, что в *Mahānayaṅprakāśa* отразилось наиболее архаичное (из известных нам) состояние языка кашмири. Ему вторили многие индийские исследователи, в частности, уже упоминавшийся выше С. К. Чаттерджи. Однако данная точка зрения разделялась не всеми. Так, известный французский индолог Ж. Блок утверждал, что язык *Mahānayaṅprakāśa* не есть кашмири в собственном смысле слова [Bloch 1934, 15]. Сам Дж. Грирсон указывает, что многие слова в тексте *Mahānayaṅprakāśa* выступают в стадии апабхрانشа [Grierson 1929, 77]. Язык памятника характеризуется при этом как переходная форма от апабхрانشа к современному кашмири [Grierson 1929, 73].

Взгляд на язык *Mahānayaṅprakāśa* как на одну из форм позднейшего апабхрانشа пользуется в настоящее время определенной популярностью. Следует, однако, иметь в

² Подобное положение вещей возникло, на наш взгляд, во многом из-за того, что большинство исследователей кашмири, являясь индологами, едва ли могли не перенести в кашмиристику традиции исторической индологии, где филологический метод является основным.

виду, что термин «апабхранша» понимается сегодня во многом иначе, чем в начале XX в. Дж. Грирсон обозначал им форму позднего среднеиндийского, по его мнению, вполне отражавшую реальный народно-разговорный язык соответствующей эпохи. В соответствии с этим для каждого новоиндийского языка предполагалось наличие своего собственного апабхранша³. К настоящему времени этот взгляд признан необоснованным [Елизаренкова 2004, 125; Tagare 1948, 4]. В современной индологии признается многозначность термина «апабхранша» [Елизаренкова 2004, 123; Bubenik 1996, 16; Tagare 1948, 1–5]. При этом чаще всего данным термином обозначают три конкретных литературных языка Северной Индии, во многом утративших связь с живыми диалектами и, бесспорно, не тождественных языку Mahānāyaprakāśa⁴. В случае же с последним понятие «апабхранша», по-видимому, употребляется Дж. Грирсоном и другими исследователями в более общем значении — позднесреднеиндийский язык вообще. Принимая во внимание данный факт, не следует забывать, что значительная часть текстов среднеиндийского периода, включая и поздний, написана на стилизованных, по существу искусственных языках, произведенных из санскрита согласно определенным правилам пересчета, описанным грамматистами⁵. Поэтому одним из потенциально возможных решений проблемы языка Mahānāyaprakāśa (и это обстоятельство ни в коем случае нельзя упускать из виду) является его трактовка именно как искусственного языка, который, разумеется, не только не является предком для современного кашмири, но и вообще не может иметь живых языков-потомков.

Как уже говорилось, взгляды Дж. Грирсона на генетическую принадлежность языка Mahānāyaprakāśa отличаются противоречивостью. Неоднократно называя этот язык «старым кашмири», он вместе с тем отмечает, что почти вся лексика несанскритской части памятника является индоарийской, то есть восходит к определенным древнеиндийским прототипам [Grierson 1929, 77]. Данное утверждение, хотя и находится в неразрешимом противоречии с остальными идеями Дж. Грирсона, представляется нам весьма близким к истине. Действительно, в указателе, приложенном к работе [Grierson 1929], огромное большинство слов (об исключениях будет сказано ниже) могут быть выведены из прототипов, засвидетельствованных в древнеиндийских текстах, причем, что представляется нам особенно показательным, в текстах на позднем санскрите. Наиболее примечательны в этом смысле примеры отражений заведомо поздних (во всяком случае, никоим образом не претендующих на общеарийскую или общеиндоиранскую древность) санскритских композитов⁶: kamathu при др.-инд. kramārthaṃ; mahakama- при др.-инд. mahākrama-, cucakkēśara- при др.-инд. catuścakrēśvarī, ṛppada- при др.-инд. hrṭpada-, cijjalanē при др.-инд. cijjvalanena (cit-jvalanena); jagaghasmaru при др.-инд. jagadghas-

³ Следует отметить, что выводя язык Mahānāyaprakāśa из апабхранша и, одновременно с этим, считая его языком-предком кашмири, Дж. Грирсон входит в непреодолимое противоречие со своей собственной идеей генетической самостоятельности дардской группы внутри арийской языковой общности.

⁴ Эти языки условно называют западным, восточным и южным апабхранша [Tagare 1948, 15–16]. Имеются также разновидности литературного апабхранша (например, врачада-апабхранша, упанагара-апабхранша), упомянутые в средневековых индийских грамматиках, но не представленные дошедшими до нас текстами.

⁵ В этой связи уместно также привести слова крупнейшего российского специалиста по среднеиндийским языкам В. В. Вертоградовой: «От среднеиндийского периода до нас не дошло никаких текстов, воспроизводящих разговорные языки того времени» [Вертоградова 2002, 6].

⁶ В качестве отражений мы рассматриваем здесь исключительно словоформы, обнаруживающие следы фонетических изменений. Наряду с ними в тексте Mahānāyaprakāśa чрезвычайно много примеров лексических заимствований из санскрита (так называемых слов tatsama), сохраняющихся в неизменном виде.

maram; tulaggu при др.-инд. tallagnaḥ; divyōgu при др.-инд. divyaughaḥ; padāthu при др.-инд. padārthaḥ; savvaga при др.-инд. sarvagā; haṃkāre при др.-инд. ahaṃkārena.

Примеры, подобные приведенным здесь, довольно многочисленны в тексте Mahānauparakāśa. Значительная их часть не имеет не только соответствий за пределами индоарийского, но и продолжений в позднем индоарийском⁷. Это позволяет считать подобные композиты новообразованиями, характерными для позднего санскрита и чуждыми живому разговорному языку. Таким образом, гипотеза о языке Mahānauparakāśa как об искусственном языке получает дополнительное подтверждение, хотя полное прояснение картины возможно лишь при наличии системы установленных регулярных звукосоответствий.

Здесь, однако, исследователя ожидает разочарование: все попытки установить такую систему кончаются неудачей. Примеры ничем не мотивированной неоднозначности в фонетических соответствиях встречаются в столь огромном количестве, что имеет смысл говорить не об исключениях, а скорее об отсутствии правил. Наблюдаются, например, такие интересные типы нерегулярности, как наличие разных соответствий одной и той же др.-инд. фонеме в одной и той же позиции внутри одного слова (ср. padipātō при др.-инд. pratipātam) и разных соответствий одному и тому же др.-инд. слову (ср. uditu и udiyo при др.-инд. uditah; gaü и gatō при др.-инд. gataḥ; tōdaśa- и trōvaha '13' при др.-инд. trayodaśa; tiyu и triya при др.-инд. trikaṃ; śatta и śatti при др.-инд. śaktiḥ). Случаи наличия нескольких соответствий одной и той же др.-инд. фонеме в одинаковой позиции в разных словах весьма многочисленны. Среди них можно выделить следующие:

1) соответствия t в интервокальном положении: t (ugghātu при др.-инд. udghātaḥ; vyugata- при др.-инд. vyudgata-; pativiccī при др.-инд. prativṛtṭyā; uditu при др.-инд. uditah); d (padī при др.-инд. prati); 0/y (gaü при др.-инд. gataḥ; thiya- при др.-инд. sthita-; biyu при др.-инд. dviṭiyah; udiyo при др.-инд. uditah);

2) соответствия d в интервокальном положении: d (padāthu при др.-инд. padārthaḥ; udiyō при др.-инд. uditah; tōdaśa- при др.-инд. trayodaśa; sattadaśa при др.-инд. saptadaśa; pasādē при др.-инд. prasādēna; sēdu при др.-инд. svedaḥ); 0/y/v (bāha при др.-инд. dvadaśa; uya- при др.-инд. udaya-; vāyēna при др.-инд. vādayanti, vādena; cupāvō при др.-инд. catuṣpāde);

3) соответствия k в интервокальном положении: k (pakāru при др.-инд. prakāram; pakāśu при др.-инд. prakāśaḥ; vikasiya при др.-инд. vikasitā); y (tiyu, triya при др.-инд. trikaṃ);

4) соответствия ś в интервокальном положении: ś (pakāśu при др.-инд. prakāśaḥ; tōdaśa- при др.-инд. trayodaśa; sattadaśa при др.-инд. saptadaśa); h (bāha при др.-инд. dvadaśa; aṣṭadaha при др.-инд. aṣṭadaśa; cuvīha при др.-инд. caturviṃśati); s (isaü при др.-инд. iḍṛśaḥ).

Подобный разноречивый в рефлексах способен поставить в тупик исследователя-компаративиста. Следует, однако, иметь в виду, что основные постулаты сравнительно-исторического языкознания и, в частности, такой важный из них, как принцип регулярности фонетических соответствий, показали свою справедливость для естественных языков. От языков же искусственных, сознательно созданных людьми, по-видимому, исключительно для письменного употребления, едва ли следует требовать их неукоснительного выполнения. В этой связи уместно опять же провести параллель с литературными

⁷ Из приведенных выше примеров средне- и новоиндийские продолжения имеются лишь у последнего — ahaṃkāra 'гордыня, самовлюбленность' (ср. пали ahaṃkāra то же, кумауни hangār 'дух').

апабхранша. Здесь также наблюдается нерегулярность в отражении древнеиндийских фонем, причем степень этой нерегулярности (количество разных рефлексов одной прафонемы или прафонемного сочетания в одинаковой позиции в слове) тем больше, чем позднее датировка памятника или, иными словами, чем сильнее разрыв между языком памятника и народно-разговорным языком⁸. Данную ситуацию обычно объясняют тем, что авторы текстов не всегда четко выполняли рекомендации грамматистов, иногда следуя при пересчете с санскрита более ранним пракритским моделям или же моделям, характерных для апабхранша других регионов. Влияние пракритов на апабхранша было весьма значительным на всех языковых уровнях (пракритизмы отмечаются даже среди словоизменяемых морфем), что дало некоторым исследователям, в частности Ж. Блоку, основание утверждать, что апабхранша не является самостоятельным языком [Елизаренкова 2004, 123; Bloch 1934, 12].

Ситуация в языке Mahānāyaprakāśa представляется нам во многом аналогичной таковой в литературных апабхармша. По всей видимости, автор «производил» этот язык из санскрита по нескольким разным моделям, возможно отражавшим фонетическое развитие различных эпох. Из приведенных выше примеров можно видеть, что разные рефлексy одной и той же древнеиндийской фонемы нередко могут представлять разные ступени одного историко-фонетического процесса (например, сохранение интервокального *t* и его озвончение, сохранение интервокального *d* и его выпадение). Отличие от основных среднеиндийских литературных языков, как кажется, состоит в гораздо меньшей степени нормированности: как уже говорилось, для языка Mahānāyaprakāśa трудно предполагать исключения из правил ввиду невозможности отследить сами правила. Таким образом, гипотеза об искусственном характере рассматриваемого языка представляется нам наиболее вероятной. Скорее всего, мы имеем здесь дело с не вполне удачной попыткой создать еще один литературный апабхранша. Данный язык, будучи произведенным из санскрита искусственным конструктом, как уже говорилось, по определению не может являться предком для какого-либо живого языка, в том числе и для кашмири, принадлежащего к тому же к иной (дардской) ветви индоиранской языковой общности.

Тот факт, что язык Mahānāyaprakāśa, скорее всего, является искусственным, сам по себе отнюдь не лишает его интереса для исследователя дардской и, в частности, кашмирской диахронии. Как известно, в текстах на литературных среднеиндийских языках встречаются отдельные элементы, заимствованные из местных разговорных языков⁹. Нельзя исключить, что в нашем случае такими элементами могут являться заимствования из языка — предка современного кашмири. В случае если такие элементы действительно имеются в наличии, их можно было бы считать наиболее ранними кашмирскими словами и/или морфемами, зафиксированными письменно. Выделить их можно было бы по ряду критериев, главным из которых является историко-фонетический: следует попытаться найти в языке Mahānāyaprakāśa примеры специфически кашмирского (и, шире, дардского) фонетического развития.

Подобные примеры действительно обнаруживаются. Так, в числительном akka '1' прослеживается специфичная для ряда дардских языков, включая кашмири, рефлексация общеарийского краткого дифтонга *ai в преко́нсонантной позиции (*a* при древне-

⁸ См., например, детально рассмотренное Г. В. Тагаре развитие в различных апабхранша интервокальных смьчных и консонантных групп [Tagare 1948, 78–82, 87–99]. В таблицах, приводимых в этой работе, достаточно надежно прослеживается корреляция между датировкой текстов и степенью регулярности звукосоответствий.

⁹ Авторы пракритских грамматик обычно классифицируют их как элементы особого уровня (krama) языка — деши. Об этом см. [Вертоградова 2002, 9–10].

индийском отражении в виде *e*)¹⁰. В консонантизме отмечаются отдельные случаи дезаспирации древних звонких придыхательных¹¹ (ср. *gōnāna* при др.-инд. *ghoṇānām*; *dari* при др.-инд. *dharati*; *aggu* при др.-инд. *argham*; *divyōgu* при др.-инд. *divyaughaḥ*; *majjā* при др.-инд. *madhyāt*; *ūda-* при др.-инд. *ūrdhva-*). Однако, как справедливо отмечает Дж. Грирсон, потеря придыхания в подобных случаях может объясняться ошибками переписчиков — носителей кашмири, языка, лишённого звонкой придыхательной серии¹². В любом случае, приведенным здесь примерам противостоит значительно (в несколько раз) большее число примеров индоарийского историко-фонетического развития: отражения общеарийского краткого дифтонга **ai* в виде *ē* (ср. *ēṣu* при др.-инд. *eṣaḥ*; *ēhu* при др.-инд. *etad*; *jēṭhī* при др.-инд. *jyeṣṭhā*; *pēkṣēta* при др.-инд. *prekṣya*; *pavēṣē* при др.-инд. *praveṣena*; *sēdu* при др.-инд. *svedaḥ*; *pattēkasa* при др.-инд. *pratyekasya*) и сохранения древних звонких придыхательных в неизменном виде (ср. *bhāji* при др.-инд. *bhrājate*; *bhāya* при др.-инд. *bhāti*; *bhuttē* при др.-инд. *bhukte*; *bhūma* при др.-инд. *bhūmiḥ*; *ubbhāvō* при др.-инд. *udbhāvitaḥ*; *khambhēta* при др.-инд. *skambhitvā*; *pabhāvē* при др.-инд. *prabhāvena*; *patibhōgē* при др.-инд. *pratibhogena*; *sabbhāvē* при др.-инд. *sadbhāvena*; *dhāmi* при др.-инд. *dhāmnī*; *arabōdhu* при др.-инд. *arabodhaḥ*; *udhiadha* при др.-инд. *ūrdhvādhaḥ*; *kōdha* при др.-инд. *krodhaḥ*; *dōdhā* при др.-инд. *dvidhā*; *niddhāmi* при др.-инд. *nidhāmnī*; *ugghātu* при др.-инд. *udghātaḥ*; *-ghanō* при др.-инд. *ghanaḥ*; *dīgha-* при др.-инд. *dīrgha-*; *nigghātu* при др.-инд. *nirghātaḥ*; *nighāriṣā* при др.-инд. *nigharṣāt*).

Среди историко-фонетических расхождений между языком *Mahānayaṣṭakāśa* и кашмири следует отметить также примеры различного развития сибилантов и некоторых консонантных групп, содержащих *r*. Такие примеры хотя и не свидетельствуют однозначно против принадлежности языка *Mahānayaṣṭakāśa* к дардской группе, но все же бесспорно указывают на то, что этот язык не может являться предком современного кашмири.

Рефлексы древних сибилантов **ś* и **ṣ* в *Mahānayaṣṭakāśa* совпадают в виде *ś* при сохранении оппозиции в кашмири (**ś > h*, **ṣ > ṣ*¹³). Ср.:

śatta при др.-инд. *śaktiḥ*, кашм. *hēkun* ‘мочь’ (от того же корня); *śamēta* при др.-инд. *śamitva*, кашм. *hamun* ‘успокаиваться, остывать, быть потушенным’ (от того же корня); *śiru* при др.-инд. *śiraḥ*, кашм. *hīr* ‘голова’, но *śa* ‘б’ при др.-инд. *ṣaṭ*, кашм. *ṣe* то же; *ēṣu* при др.-инд. *eṣaḥ*).

В языке *Mahānayaṣṭakāśa* обычны переходы **pr > p* и **bhr > bh*, в то время как в кашмири конечный *r* сохраняется (ср., например, развитие указанных кластеров в ряде этимонов, общих для обоих языков: *rāvēya* при др.-инд. *prārayati*, *rāvēna* при др.-инд. *prārayanti*, но кашм. *grāwun* ‘получать’; *radī* при др.-инд. *prati*, но кашм. *prath* ‘каждый’; *bhāji* при др.-инд. *bhrājate*, но кашм. *brazun* ‘сверкать, блестеть, быть ярким’).

Характерное для кашмири развитие церебральных из консонантных групп типа «г + зубной» не обнаруживается в *Mahānayaṣṭakāśa*, где нормальными являются переходы **rt*, **rth*, **rdh > tt*, *th*, *dh*:

¹⁰ Об этом см. [Коган 2005, 19–22].

¹¹ Данное явление, вероятнее всего, представляет собой общедардскую классифицирующую историко-фонетическую инновацию.

¹² Примечательно, что среди «кашмирских пандитов» (представителей небольшой общины кашмирцев, исповедующих индуизм) распространена особая традиция произнесения санскритских текстов, предполагающая дезаспирацию изначальных звонких придыхательных согласных [Grierson 1929, 83].

¹³ О развитии сибилантов в кашмири см. также [Коган 2009].

kattiku при др.-инд. kartṛkaḥ, но кашм. waṭun 'сворачивать, складывать' < *wartaya-, ср. др.-инд. vartayati 'поворачивает', кашм. kaṭun 'резать' < *karta-, ср. др.-инд. kartati (наряду с kṛntati) 'режет';

kamathu при др.-инд. kramārtham, padāthu при др.-инд. padārthaḥ, но кашм. coṭḥ 'четырёхдневная малярия', ср. др.-инд. saturdaya- 'четвертый';

udhiadha при др.-инд. ūrdhvādhaḥ, ūda- при др.-инд. ūrdhva-, но кашм. wōḍ 'макушка' (из общеарийск. *ṛdhwa- > др.-инд. ūrdhva-).

Возвращаясь к вопросу об общих изоглоссах, объединяющих кашмири и язык Mahānayaṣṛakāṣa, необходимо коснуться морфологии. В Mahānayaṣṛakāṣa засвидетельствованы два личных глагольных показателя, характерных для кашмири и не имеющих несомненных параллелей в индоарийских языках: -ā 1 Sg Prs при кашм. -ī (< *ā¹⁴) то же; -īva 2 Sg Imp при кашм. -iw то же. Отмечено также соответствие кашмирскому субъектному суффиксированному местоимению 3 л. ед.ч. -n в виде -na. В индоарийских языках данный элемент не встречается¹⁵.

На лексическом уровне язык Mahānayaṣṛakāṣa также имеет ряд специфических параллелей с кашмири. Речь идет о лексемах, представленных в кашмири (а иногда также и в других дардских языках), но отсутствующих (вовсе или же в данном фонетическом облике) в индоарийском: sāvu 'вошедший, вошел' при кашм. sāw то же¹⁶; ratta 'после' при кашм. ratī 'после, позади', шина ratī, майян ratō, торв. rat, г.-б. rata 'позади', башк., паш. rat 'после', катарк. radē 'назад, снова'; ju '2' при кашм. zī то же; cī 'тебе' при кашм. cē то же. Как можно видеть, приведенные здесь слова из Mahānayaṣṛakāṣa фонетически довольно слабо отличаются от их кашмирских соответствий. Явными инновациями современного кашмири являются дентализация палатальных аффрикат¹⁷ и падение конечного краткого гласного *i*. Однако, как было установлено нами в специальном исследовании, оба эти явления носят относительно поздний характер, о чем свидетельствует, например, тот факт, что они обнаруживаются в заимствованиях из персидского и арабского языков [Коган 2009]. Кроме того, нужно принять во внимание и особенности использованного для фиксации ранних редакций текста Mahānayaṣṛakāṣa письма шарда, не располагающего специальными символами для дентальной аффрикаты *s* и для *z*.

На основании вышесказанного следует признать необоснованным (или, во всяком случае, крайне сомнительным) утверждение С. К. Чаттерджи о какой-то чрезвычайной архаичности языка Mahānayaṣṛakāṣa и о необходимости на этом основании ранней датировки памятника [Chatterji 1963, 258]¹⁸. Встречающиеся в тексте кашмирские элементы отражают языковое состояние, которое вполне могло быть хронологически близким к современному.

¹⁴ О происхождении данного окончания в кашмири и его связях за пределами дардской группы см. [Коган 2005, 151–153].

¹⁵ Кашмирское суффиксированное местоимение -n продолжает общеарийскую местоименную основу *ana-. Рефлексы этой основы отмечены в ведийском, а также (в форме инструментального падежа) в пали и праkritах [Turner 1966, 14], однако там они не являются местоименными энклитиками или суффиксами.

¹⁶ Возможно < *atyāgata- [Turner 1966, 12].

¹⁷ При транскрибировании примеров мы, в соответствии с установившейся традицией, обозначаем латинской буквой *s* глухую дентальную аффрикату в кашмири и глухую палатальную аффрикату в языке Mahānayaṣṛakāṣa.

¹⁸ Впрочем, основания для предлагаемой С. К. Чаттерджи датировки (XIII в.) в любом случае остаются неясными.

Говоря о дардских элементах в языке *Mahānauprakāśa*, нельзя не отметить их относительную малочисленность. Приведенный в настоящей работе перечень таких примеров является практически полным. При этом принадлежность некоторых упоминавшихся выше слов к дардскому пласту представляется сомнительной. В первую очередь это относится к примерам дезаспирации звонких придыхательных, появление которых, как уже отмечалось, может быть связано с ошибками писцов¹⁹. Таким образом, наиболее точно язык *Mahānauprakāśa* может быть, на наш взгляд, охарактеризован как среднеиндийский литературный язык, содержащий определенное (притом довольно малое в процентном отношении) количество дардских заимствований²⁰.

Хотя данное заключение является наиболее вероятным при современном уровне знаний, оно все же носит максимально общий характер и не дает ответов на целый ряд вопросов, связанных с языком *Mahānauprakāśa*. Так, несмотря на установленный нами факт наличия в этом языке кашмирских элементов, в вопрос о субстрате, т.е. о родном языке автора текста, оказавшем влияние на язык несанскритских фрагментов, все еще не внесена окончательная ясность. Дело в том, что наряду с дардским этимологическим пластом в *Mahānauprakāśa* налицо и другие пласты, которые также могут являться субстратными. Отмечается, например, наличие ряда индоарийских элементов, имеющих соответствия в поздних индийских языках, но не в древнеиндийском: *haḍu* 'кости'²¹, ср. лахнда *haḍ*, зап. пах. (бхадарвахи) *haḍḍ* 'кость'²²; *utthē* 'именно там'²³, ср. пандж. *utthe*, лахнда *utth* то же.

Определенный интерес представляют также некоторые фонетические архаизмы языка *Mahānauprakāśa*, в частности, повсеместное сохранение древнеиндийского сонанта *y*²⁴ в начале слова и группы *kṣ*²⁵ во всех положениях, в то время как для всех известных нам литературных апабхрانشа характерны переходы *y > j*, *kṣ > (k)kh*, *(c)ch*. Уникальными для индоарийских языков являются некоторые типологические характеристики рассматриваемого языка. К таковым относится, например, почти полное отсутствие послелогов и выражение синтаксических отношений исключительно при помощи падежных флексий²⁶.

Подытоживая все вышесказанное можно с уверенностью констатировать, что язык несанскритских фрагментов *Mahānauprakāśa* еще может стать объектом для интереснейших исследований в будущем, хотя вопрос о его отношениях с языком кашмири представляется нам вполне ясным: язык *Mahānauprakāśa* никоим образом не может считаться дардским языком и не является предком ни для современного кашмири, ни (ввиду своего искусственного характера) для какого-либо другого живого языка.

¹⁹ Один из примеров перехода *gh > g* (*divyōgu* при др.-инд. *divyaughah*) представляет собой явное отражение позднего санскритского композита (см. выше) и поэтому не может считаться дардским по происхождению.

²⁰ К числу последних можно отнести и перечисленные выше глагольные показатели. Как уже говорилось, заимствование словоизменительных морфем известно в литературных среднеиндийских языках.

²¹ Соответствует *asthīni* в санскритском комментарии.

²² У приведенных примеров, возможно, имеется соответствие и в кашмири — *aḍi* 'кости предплечья или голени'. Это соответствие, однако, семантически отстоит дальше указанных нами индоарийских примеров, а, кроме того, само может являться индоарийским заимствованием.

²³ Соответствует *tatraiva* в санскритском комментарии.

²⁴ Список примеров с указанием древнеиндийских параллелей см. в [Grierson 1929, 126].

²⁵ Примеры см. в [Grierson 1929, 21].

²⁶ Данная черта сближает язык *Mahānauprakāśa* с литературными пракритами и отличает от литературных апабхрانشа, а также от новоиндийских и других арийских языков региона: дардских, нуристанских, многих иранских.

Литература

- Вертоградова 2002 — В. В. ВЕРТОГРАДОВА. *Пракриты*. Издание второе. М., Восточная литература, 2002.
- Елизаренкова 2004 — Т. Я. ЕЛИЗАРЕНКОВА. *Языки мира. Индоарийские языки древнего и среднего периода*. М., Academia, 2004.
- Захарьин 1978 — Б. А. ЗАХАРЬИН. Генезис видо-временных отношений в языке кашмири // *Индийское языкознание*. М., Наука, 1978.
- Коган 2005 — А. И. КОГАН. *Дардские языки. Генетическая характеристика*. М., Восточная литература, 2005.
- Коган 2009 — А. И. КОГАН. К вопросу о ряде фонетических изменений в языке кашмири и их относительной датировке // *Аспекты компаративистики 4 [Aspects of Comparative Linguistics 4]* / Под ред. Г. С. Старостина. М.: Изд-во РГГУ, 2009. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXVIII.) С. 25–54.
- Bloch 1934 — J. BLOCH. *L'indo-aryen. Du Veda aux temps modernes*. Paris, 1934.
- Bubenik 1996 — V. BUBENIK. *The Structure and Development of Middle Indo-Aryan Dialects*. Delhi, Motilal Banarasi-dass, 1996.
- Chatterji 1963 — S. K. CHATTERJI. *Languages and Literatures of Modern India*. Calcutta, 1963.
- Grierson 1929 — G. A. GRIERSON. The Language of the Mahānayaṅprakāśa, an Examination of the Kashmiri as Written in the 15th Century // *Memoirs of the Asiatic Society of Bengal*, vol. XI, №2. Calcutta, 1929.
- Tagare 1948 — G. V. TAGARE. *Historical Grammar of Apabhraṅśa*. Poona, 1948.
- Turner 1966 — TURNER R. L. *A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages*. L.: Oxford University Press, 1966.

Kashmiri is the only Dardic language that has its own script and literary tradition. However, since the latter is not very old, the regular philological method can hardly be helpful in its diachronic study. Researchers have made a lot of attempts to find authentic old Kashmiri texts. Although the existence of such texts remains unproved, some interesting problems have arisen in the course of research; one of them is the issue of the attribution of the language of non-Sanskrit fragments of Mahānayaṅprakāśa — a philosophical treatise belonging to the tradition of Kashmiri Shaivism. This problem is dealt with in the present article. The author comes to the conclusion that the language in question is undoubtedly Indo-Aryan and can thus by no means be considered an early form of Kashmiri. Moreover, being actually a variety of the late literary Middle Indo-Aryan (Apabhramsha), this language is, in fact, artificial, and therefore, could not have been an ancestor for any modern language.